

НЕ СМОТРИ НА ДРУГИХ

И сигаю из коня, и хоп, на асфальт, и в этот момент — когда сигаешь из тачки и назад пути нет — понимаешь, что по-любому сделаешь это, пусть даже тебя так шарашит адреналин, что на секунду тебе хочется быть не здесь. И вот мы крадемся по улице, добыча слишком далеко, мы ошиблись по времени, но не можем за ней бежать, чтобы не спугнуть, так что быстро крадемся. Мое лицо обтягивает клава, а сверху я натянул капюшон и чую, как адреналин взрывается под ложечкой умирающей звездой, и словно весь я — колотящееся сердце.

И я быстро крадусь, подбираясь к ней, и Готти прямо за мной, а она не слышит, как мы движемся, прильнув к земле, в черных хлопковых трениках «Найк», без малейшего шелеста, в кедах «Найк», бесшумных на асфальте. И на пару ударов сердца я отмечаю, как все на улице кажется картиной чьей-то мирной жизни: солнце плывет в небе куском масла в супе, заливая светом улицу и все, что на ней есть: четкие ряды опрятных домиков, гладкие кустики вдоль тротуара, прохладный утренний запах металла; и вот она распахнула калитку, и сворачивает с улицы, и идет по дорожке к крыльцу.

И мы проебали время, но все равно можем взять ее на пороге, так что мы бежим, все еще пытаюсь не шуметь, но надо уже реально спешить, пока она не скрылась, и мы затекаем в калитку — она уже почти у двери, ищет в сумочке ключ, — и мы бежим по дорожке, и нагоняем ее, я могу коснуться ее волос, чую их мягкость и шампунь, и еще дорогой парфюм, от которого почти мутит, и в этот момент все, что я знаю, отпадает — память, прошлое, будущее, а затем эта улица, это утро — и все вокруг исчезает, словно я забываю мир, и есть лишь этот Миг, кристально-ясный, на этом пороге. И только я хочу схватить ее за шею, чтобы усыпить, как она засекает меня.

И кричит. Она видит меня — точнее, мои глаза и чуток губ сквозь три дырки в черной клавише, — и словно вдруг осознает, что попала в кошмар, и нам ясно, что все пошло по пизде, поздняк шифроваться, так что я ее хватаю, давлу рукой на горло и крепко прижимаю к себе спиной, а Готти пытается снять «Картье» с ее запястья, но что-то никак, пыжится, как может, а металл режет ей кожу, и она кричит, забирайте, забирайте, и тогда меня больше не шарашит, потому что мы в натуре это делаем, ничего другого нет, все во мне четко и ровно, и я ей в ухо говорю, не дрыгайся, бля, но Готти не может сорвать часы, хотя она, похоже, не выкручивается, и я вижу, он такой, шозахуйня — это первый раз, чтобы он не мог с кого-то снять часы, а эти все по краю усыпаны брьюликами, так что мы всерьез нацелились, типа, легко потянут на десять-пятнадцать косых.

И я думаю, ну нахуй, она же орет, усыплять ее поздно, уж лучше помочь Готти. Тут дверь — белый массив с медной колотушкой — открывается, и там парень лет семнадцати, смотрит на нас как вкопанный и говорит, мам, и наши глаза встречаются, и я вижу в его глазах и за

плечом жизнь, не похожую на мою, может, лучше моей, без стольких острых углов и разбитых вещей. И мы все возимся с часами, и вдруг Готти отвлекается и вырубает парня ударом в табло, и захлопывает дверь, и мы снова одни. И я вижу у нее здоровый перстень с камнем, на безымянном пальце, и хочу стянуть, но он застрял, кожа морщится, и ей больно, а скрутить никак — перед ним обручальное кольцо, по сути, стопорит его. Так что я фигаю, и отгибаю ей палец, прям до конца, до самого запястья, и странно так — я всегда думал, если ломаешь палец, чувствуешь хруст кости, слышишь даже, а тут ничего, как бумагу согнуть, словно пальцу так положено гнуться — и она орет мне, забирай, да забирай, а я никак, и через пару секунд вижу, палец опухает у основания, и понимаю, что теперь я точно не сниму кольцо. И дверь открывается снова, и там мужик в красном свитере, и нам ясно, что это пиздец, надо делать ноги, но мы еще надеемся урвать хоть что-то, чтобы не зря все это, а мужик хватается жену за талию и тащит к себе, за дверь, и Готти такой, ну нахуй, Снупз, пора рвать когти, разворачивается и чешет от двери, к коню, который ждет нас посреди дороги, а я такой, ни хуя, не уйду ни с чем. И мужик втаскивает жену в дом и захлопывает дверь, и я вижу прихожую с бежевым ковром (толстый такой, мягкий, из тех, что держат солнечный свет, так что хоть ложись и спи на нем) и хуяк, суюсь в дверь, пока не закрылась, и хватаю бабу за запястье и тещу к себе, и мужик ебашит дверью ей по руке, и она кричит. Готти чешет по дорожке к калитке, а я вижу в щель, что баба уронила сумочку, так что я ее хватаю, а дверь снова открывается, и мужик машет битой, но я пригибаюсь, и она свистит у меня над башкой. Я руки в ноги и бегу с сумкой по дорожке, из калитки, но коня уже

нет, он удаляется по дороге, медленно так, задняя дверца настезь, и Готти кричит мне, залазь, а мужик несется за мной, размахивая битой и ревя, как бешеный — без слов, просто рвет глотку, — и я бегу за конем, вдыхая утро, солнечные иглы пронзают небо и падают кругом, и я не уверен, что добегу, типа, никак не догоню, типа, нефига, меня так штырит, не может быть, чтобы вот так все кончилось, не может... И я-таки ныряю башкой на заднее сиденье, и Готти меня хватает — ноги еще снаружи — тачка дает газу, Готти меня втаскивает, тянется к дверце и захлопывает, и Тайрелл нас увозит.

Мы вырливаем с улицы на шоссе и говорим Тайреллу, типа, шозахуйня, чувак, не мог подобрать кореша, это была жесть, и я стягиваю балаклаву, и Готти свою тоже, и это как выныривать на воздух с огромной глубины, где ты был так долго, что не замечал, как тонешь, и Готти такой, черт, не знаю, шозахуйня, но я не мог снять часы, просто не мог, пытался по-всякому, и никак, а Тайрел такой, зуб даешь? но он говорит это ровным голосом, так как дико старается вытащить нас поскорей с района, аж скривился от натуги, бледный, как поганка, но вообще он молоток; не гонит со всей дури, как подорванный, просто едет, как если опаздывает, типа, на утреннюю встречу. Плюс тачка правильная; не сверкает, но и не слишком коцаная или убитая, когда ясно, что такое корыто не сегодня завтра сожгут.

Когда он едет назад по трассе, мимо магазинов и, типа, нормальной утренней жизни, как везде, навстречу нам проносится, завывая, телега, бросая синие отсветы на дома и окна бледными всполохами, еле видимыми в утреннем свете, и мы с Готти сползаем с сиденья и залгаем на полу, потому что телегу вызвали явно за нами. Мы лежим там, скрючившись, согнув колени,

чтобы снаружи никто не подумал, что тут кто-то есть, пригибая бошки к грязному полу, так что видно рисунок коврика, который вдруг становится таким конкретным своей формой, текстурой, цветом, своим...

И телега проносится мимо, в обратную сторону, на улице, на которой мы были минуту назад, и я немало удивлен — все же говорят, как полицию вечно не дождешься, и всякое такое, но эта оказалась шустрой, то есть весь движ не мог занять больше, типа, трех минут — наверно, сын или муж сразу вызвали фэдов, пока мы обрабатывали бабу, пытаюсь хоть что-то содрать с нее, но сейчас часов десять утра, и движение спокойное, а мы замутили такую ебанину — неудивительно, что они примчались так быстро. Но они даже не заметили Тайрелла, даже ни разу не взглянули в нашу сторону, и мы уже нормально так отъехали от большой дороги. Мы садимся на сиденье. Едем обратно на хазу, можно теперь расслабиться, мы выбрались, теперь они нас не достанут.

И Готти тогда говорит, ты ебанат, братан, ты ебанат, нахваливая меня перед Тайреллом, Снупз ебанат, ты в курсе, грит, не уйду и всё, а глаза расширены, и улыбка шир-шир-ширная. А я такой, ебать, братан, я бы не ушел ни с чем, и Тайрелл говорит, какой улов, братан? И я показываю сумку — это «Прада», сама, наверно, потянет на косарь, — и Тайрелл говорит, лавэ там есть? И я лезу внутрь.

Там побрякушки богатой бабы: парфюм и дорогой крем для рук, и всякие визитки, и прочее дерьмо, на которое я даже не смотрю, поскольку его не продашь. А затем я натыкаюсь на бумажник, пока Готти базарит с Тайреллом, типа, чувак должен всех обзвонить, птушта мы, блядь, не знаем, где они, а я лезу в бумажник, тайком от Тайрелла, и вижу пачку полтинников на семьсот фунтов, быстро вынимаю и сую поглубже в карман, ина-

че Тайрелл и другие захотят долю, а я думаю, никуя, это наше с Готти, никто не рисковал свободой и не творил за-предельной жести, как мы с ним сейчас — хоть и вышел зашквар, — и раз уж это такая мелочь вместо реальной добычи, я ее возьму, и пусть никого это не парит. Обычно самый куш, типа, по тридцать процентов с каждого скока, берут Большой Д, Готти и я. Большой Д — за подвод и наводку, мы с Готти — за гоп-стоп и самый риск, а остальное получает Тайрелл, так как все, что от него требуется, это подкинуть нас к месту, где будет движ, а потом забрать. И тут Тайрелл говорит, чего в бумажнике, братан, есть лавэ? и я такой, неа, только одни карточки, и вынимаю черную «Американ-экспресс», и мы такие, бляааа, уж это верняк, что часы с кольцом должны были стоить бешеных бабок, это стопудово запредельные богачи, говорит Готти. То есть нам и так было ясно, что она богачка, по прикиду и цацкам, да это еще в будний день, чисто рядовое утро, без всяких таких дел — наверно, шла из кафе или, может, из салона, потому что от волос ее пахло кайфово, — и сам двор, куда она зашла, с большой белой дверью, такой домина, какой никому из нас в жизни не займет, хотя приятно помечтать, что когда-нибудь придет такое время. Но карточка «Американ-экспресс» — это кое-что еще, она указывает на иной уровень жизни; я только в песнях о ней слышал, у рэперов, вроде Джей-Зэт и Лил Уэйн, ну и, конечно, Канье, втирающих, как они оттягиваются, птушта у них черные карты — высший признак богатства, принадлежности к реальной элите, мажорам, глядящим свысока на остальных.

Я сую карту в карман, на память об этом дне, понимая, что раз уж мне вряд ли светит займет такую, с моим именем, отчеканенным на ней, пусть будет хоть чья-то, хотя я не смогу ее использовать — ее, наверно, уже заблокиро-

вали, говорит Тайрелл, и все снова кажется нормальным: солнце, знай себе, светит, погода как погода, люди на улицах — просто люди, занятые, чем положено утром в понедельник, и магазины, и машины, шум и гам. Всякое такое.

Мы проезжаем Голдерс-грин; дети уже в школе, люди завтракают в обжорках, магазины открыты, автобусы привозят-увозят людей, все идет по жизни своими четкими дорожками, каждый в свою сторону. Готти звонит Д, сказать, какой вышел зашквар, так что мы теперь возвращаемся на хазу, в Уиллесден, где зависали утром, и в какой-то момент я вижу впереди другого коня — я даже не уверен, когда он нарисовался, наверно, после Голдерс-грин, — и я просто болтаю с Готти, и мы все еще в ахуе оттого, как он не смог снять часы, птушта я видел, как он это делает раза, типа, четыре, всегда четко, без проблем, но в этот раз, хз почему, не вышло. И мы все это перетираем: как было на пороге и с каким звуком дверь захала ей по руке, смеемся, как муженек врезал ей дверь, птушта я сумел цапнуть ее за руку и вытащить. И вот какая штука: никаких угрызений, у меня никаких, у Готти никаких, и не потому, что мы злодеи или еще из-за какой моральной хуеты. Штука в том, что я на этот счет вообще ничего не чувствую. Она по-любому ни секунды не думала о персонажах вроде меня, о том, что это значит — быть мной. Я ей до фени, а мне до фени она. И до фени я ей не потому, что я так поступил с ней. Я и так был ей до фени, еще раньше, чем мы пересеклись, потому что мы отрезаны друг от друга в своих мирках. Так что нахуй угрызения. Нет смысла тратить время, пытаюсь почувствовать что-то, если это не от сердца. По-любому, так что...

Короче, мы тормозим на парковке у небольшого дома в Уиллесдене, где мы все зависали тем утром. Я сую

клаву в карман, где деньги, чтобы карман нарочно чуть выпирал. Мы вылазим из коня, и тут же подкатывает другой конь, «Порш», цвета вороненой стали, в котором всегда рассекает Большой Д со своим племяшом, Призраком, чтобы вычислять людей, которых стоит пощипать, и Тайрелл с Готти закуривают. Тачка идеальная, птушта слишком чумовая — слишком дорогая — для уличной шпаны, так что Д может вплотную втыкать на людей изнутри и прикидывать, кого мы тряхнем. Плюс когда мы едем в конвое — обычно они впереди, поскольку они наводчики, а всю жесьть творим мы, — никто не подумает, что мы в паре, ведь их тачка с иголки, то есть я вас умоляю: то чуваки в «Порше», а то мы, в каком-то бэушном корыте. В нашем коне телочек не покатаешь, ты меня понял.

Хаза что надо, не близко от нашего района, но и недалеко от жилых кварталов, никто из нас не живет на этой дороге и никак с ней не связан, а парковка за забором и высокими кустами, так что с дороги нас не видно. Из коня вылазит Большой Д и морщит лоб. Призрак тоже вылазит и задает вопросы, но его все игнорят, и мы с Готти начинаем базарить с Большим Д, пересказывая все по новой, показывая сумку и матеря того мужика, ебать, говорит он, мож, вернемся за ней потом, птушта такие сумки можно нормально загнать, и я иду и нычу сумку под один высокий куст у забора и присыпаю палой листвой. Готти с Большим Д перетирают в стороне от всех, понизив голоса; Д — авторитет, дает нам зачетные наводки, но базар вести умеет, особенно с Готти. Тайрелл и Призрак, если уж так, на подхвате, они же водилы, никакой хуйни не творят, у этих чуваков кишка тонка, не то что у меня и Готти. Но зато над прикидом своим гоношатся, это умора, даже когда выходят на дело. При-

зрак вечно сверкает золотым зубом с большим камнем, а Тайрелл — белыми штанами с вышивкой, словно едет зажигать. Не то что чувак собрался пострелять номерки у клевых телочек по пути на движ. Реальная маза в том, чтобы водила не казался чуханом, про которого подумаешь, типа, твой конь тебе не по карману.

Короче, Большой Д перетирает с Готти, оба морщат лбы, и я подхожу и слышу, Д говорит, не, Готти, нового коня нужно достать прям щас. Большой Д сутулится, нависая над Готти, а тот засунул руки в карманы треников и воротит нос всякий раз, как Большой Д нависает над ним, словно не хочет, чтобы его касались слова Д, а мне не слышно, о чем речь. Готти такой, да ну, нахуй, старик, я мутить ничего не стану после такого, без вариантов, и говорит, что доверяет только одному, своей чуйке, и он чувствует, что сейчас не время идти на дело. А Д всю бомбит его словами, но Готти идет в отказ, типа, нифига, я не согласен, это полная хуйня. Он делает суровую затяжку и пуляет сигу. Я говорю, что за базар, Д? И он давай втирать, что нам надо купить нового коня, если мы хотим делать больше движей, и он хочет, чтобы кто-то из нас метнулся в магаз шмоток в Голдерс-грине, где одна продавщица вечно сверкает «Дайтона-Ролексом», и снял с нее часы, чтобы толкнуть их и купить нового резвого коня. Надо думать, добавляет он быстро, нам всем тоже капнет лавэ, а потом отворачивается и сплевывает в куст. И Готти смотрит на меня, типа, неа, Снупз, ну нахуй, у меня такое чувство, что надо ждать беды — и я слышу, как машины проезжают по дороге, за кустами, но в таком отдалении, словно мир от меня уплывает.

Раньше никогда такой проблемы не было. Большой Д всегда покупал нам резвых коней, как того, в котором мы сюда приехали; то есть начать с того, что он сам

сколотил эту группу, так что и вопроса такого стоять не должно. Он знает, мы с Готти реальные едоки, знает, что это наша тема, если уж так, это первый раз, когда движ конкретно пошел по пизде, он должен понимать, что мы возместим убыток с лихвой в другой раз. Но сейчас он хочет, чтобы мы подорвались и устроили конкретную жесть — то есть смотались в Голдерс-грин, откуда мы, по сути, только вернулись, — и лишь затем, чтобы добыть денег на нового коня. Готти прав, там сейчас должно быть жарко, феда по-любому будут рыскать. И потом, трясти магаз при свете дня? Щипать продавщицу в самом магазине? Без шифровки, без прикрытия, без ничего. Вот так, зайти туда дуриком и прижать ее, до усрачки напугав, причем я и клави не успею натянуть, птушта меня засекут, наверно, раньше, чем я войду в магаз, а я не знаю, где там камеры, и все такое.

Я смотрю на Готти, а Большой Д кладет мне руку на плечо и отводит в сторону, подальше от других, но рука его слишком жмет мне шею, а кожаный рукав шуршит, как змея, когда линяет, и пахнет от него перегаром и лосьоном, и он такой, Снупз, я знаю, ты мастак, это фигня, все, что тебе надо, это зайти в магаз, и как увидишь эту телку, подходи к ней ровным шагом, а потом раз, и снял с нее часы.

Я вечно голоден, хотя лавэ у меня заначено, но я всегда хочу больше, так что даю ему отвести меня в сторону, хотя его рука все больше давит мне на плечи. И я спрашиваю Д, как именно я это сделаю? Он начинает показывать на своем Ролли, как нужно схватить циферблат и дернуть под углом, объясняя, как резкое нажатие сломает зубок, где ремешок крепится к корпусу. Я пытаюсь повторить, как он показал, на его часах, но потом думаю, ну его, если Готти не пойдет, то нахуй, и на этом

завяжу соглашаться на всякую жесть. Я убираю руку с его часов и говорю, не, чувак, эта хрень, похоже, слишком стремная, слишком много мутных моментов, я пас.

Я поворачиваюсь, чтобы не видеть лица Большого Д, и иду к Готти. Ненадолго позади меня повисает тишина, а затем мир опять притекает, шумный, быстрый, беспрерывный. Я подхожу к Готти, и он понимает, что я сказал нет, и лицо его спокойно, и черные глаза смягчились, и он говорит, верь мне, Снупз, лучше слушай чуйку и не смотри на других. Не смотри на других. Похуй, что подумает чувак, тебе ничего не надо доказывать, брат, чувак и так знает, ты мастак. Но это дело дрянь, брат, точно говорю, пахнет бедой.

Я толком не замечаю, как мы оттуда уходим. Большой Д говорит насчет того, что наберет нам, и мы стучимся кулаками с Призраком и Тайреллом. Тайрелл шагает в Криклвуд, Большой Д с племяшом отъезжают в «Порше», а мы с Готти идем назад, в Южный Килберн. Я говорю, как по мне, так Большому Д понадобился новый конь, чтобы мы могли туда вернуться и побазарить с этим брателлой. Я думал, говорю, он будет, как босс, рулить по полной, а он мнетса, как будто лавэ нанэ, ну нахуй. И Готти такой кивает, в натуре, в натуре, и мы с ним оба понимаем — хотя вслух не говорим, — что это был наш последний движ с Большим Д.

Когда мы подходим к Южному Килберну, небо ерошат серые тучи, словно тесто на опаре, и солнце не смотрит на город. Я отсчитываю Готти половину от семихатки, стыренной из бумажника, и слегка поднимаю ему настроение, и он говорит мне, пока мы идем по Килберн-лейн, избавиться от черной «Американ-экспресс». Я приседаю рядом с водостоком и делаю вид, что бросаю туда карту, а сам сую в рукав. Я хочу оставить